

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 4. С. 79–97.
Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology. 2024;9(4):79-97.

Персоналии

УДК 930:001.12

doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-4-79-97

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСКИ С. Ф. ПЛАТОНОВА (16 АПРЕЛЯ — 24 ДЕКАБРЯ 1878 Г.): «КТО БУДЕТ ЧИТАТЬ МОЙ ДНЕВНИК...». ЧАСТЬ 5

Виктор Владимирович Митрофанов

Университет при Межпарламентской ассамблее Евразийского экономического сообщества, Санкт-Петербург, Россия, viktor-n1962@mail.ru, 0000-0003-2094-6883

Аннотация. Окончание гимназии, получение аттестата, поиск ответа на вопрос о своём месте в обществе продолжают волновать молодого С. Платонова, ставшего уже студентом. Последний год пребывания в гимназии принёс замечательное, правда не продолжительное, знакомство с В. Ф. Кеневичем, оказавшим заметное влияние на подающего надежды юного поэта. О первых же опытах в стихосложении можно судить по сохранившимся немногочисленным сочинениям. Крупный филолог признает за своим воспитанником талант, для развития которого нужно много работать. Осмысление своего пребывания в Харине и знакомство с сестрами — внучками выдающегося К. Ф. Калайдовича и известного Н. С. Селивановского — продолжается, а отсутствие писем из Москвы, где они жили, приводит к упадническому настроению. Духовные искания выливаются в различного рода философские размышления, которые важны для понимания процесса формирования мировоззрения будущего академика.

Ключевые слова: С. Ф. Платонов, дневниковые записи, литературные опыты, В. Ф. Кеневич, талант, Харин, аттестат зрелости, университет

Для цитирования: Митрофанов В. В. Дневниковые записки С. Ф. Платонова (16 апреля — 24 декабря 1878 г.): «кто будет читать мой дневник...». Часть 5 // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 4. С. 79–97. URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/40-magistra-vitae-4-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-4-79-97*

Personalities

DIARY NOTES OF S. F. PLATONOV (APRIL 16 — DECEMBER 24, 1878): “WHO WILL READ MY DIARY ...”. PART 5

Viktor V. Mitrofanov

University at the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, St. Petersburg, Russia, viktor-n1962@mail.ru, 0000-0003-2094-6883

Abstract. Graduating from high school, obtaining a certificate, and searching for an answer to the question of his place in society continue to worry the young S. Platonov, then a student. The last year of his stay at the gymnasium brought a wonderful, though not long-lasting, acquaintance with V. F. Kenevich, who had a noticeable influence on the budding young poet. One can judge the first experiments in versification by the few surviving works. The major philologist recognizes his pupil's talent, which requires a lot of work to develop. The comprehension of his stay in Kharin and acquaintance with the sisters — the granddaughters of the outstanding K. F. Kalaidovich and the famous N. S. Selivanovsky — continue, and the absence of letters from Moscow, where they live then, leads to a decadent mood. Spiritual searches result in various kinds of philosophical reflections, which are important for understanding the process of forming the worldview of a future academician.

Keywords: S. F. Platonov, diary entries, literary experiments, V. F. Kenevich, talent, Kharin, matriculation certificate, university

For citation: Mitrofanov VV. Diary Notes of S. F. Platonov (April 16 — December 24, 1878): “Who Will Read My Diary ...”. Part 5. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2024;9(4):79-97. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/40-magistra-vitae-4-2024.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-4-79-97

Введение

Очередная тетрадь с дневниковыми записями хронологически продолжает предыдущую [Митрофанов, 2024] и датируется с 16 апреля по 30 июня. На её страницах имеются небольшие пометы, касающиеся некоторых размышлений на исторические темы и стихотворение, посвященное С.Ю.М¹. Даты, написанные карандашом на первом листе автором рукописи, сделаны позже. Здесь не обнаруживается девиза, что было несвойственно для дневниковых тетрадей. Как свидетельствуют даты (16, 17, 20, 25 апреля, 2, 3, 5, 8, 17, 24, 25 (дважды) мая, 8, 10, 11 (дважды), 16, 18, 19, 30 июня), к своему собеседнику — дневнику — С. Платонов обращался часто. На этом гимназический этап работы с дневником завершён. Именно этот источник позволяет заглянуть в юношеские годы автора и понять его непростое взросление, размышления, увлечения и назвать круг общения.

Записи до конца 1878 г. (с 28 сентября по 24 декабря) находятся в следующей тетради². Поэтому целесообразнее их объединить с предыдущими, тем более объем их невелик. С этого времени начинается новый период жизни С. Платонова — студенческие годы. В это время автор обращается к дневнику намного реже, допускаются перерывы, записи, порой, краткие, по несколько строчек (28 сентября, 2, 9, 29 октября, 3, 22 ноября, 3, 13 и 24 декабря). Здесь обнаруживаем важную запись: «Кто будет читать мой дневник...». Как видим, писался он и для стороннего человека. И вот публикация стала реальностью (через 146 лет!), следовательно, будет и читатель. Эта тетрадь имеет девиз: «Crede spera!»³, записи продолжают после трёхмесячного перерыва.

Первые стихи С. Платонова и общение с В. Ф. Кеневичем

Безусловный интерес представляет непродолжительное знакомство с замечательным педагогом, литератором В. Ф. Кеневичем [Митрофанов 2022(а), с. 206–221]. Именно последний, случайно

узнавший о поэтических опытах своего гимназического воспитанника, которые он пробовал писать с 13 лет, определил у него талант. В этой связи представляется возможность познакомиться с первыми стихотворениями. Они хранятся в отдельном архивном деле⁴ — это небольшая часть сохранившихся, позже записанных в отдельной тетради, по всей видимости, в 1877 г. На это указывает первое под названием «Вместо предисловия», помещенное в начале тетради и датированное 1 июня этого года. Большая же часть юношеской поэзии не сохранилась, а самое раннее «Первое появление весны» относится к 1874 г. — это год особый в жизни юного поэта: к нему пришла первая любовь, о которой он часто вспоминал на страницах дневника. Затем несколько, посвященных женщине: «Про неё», «Два мгновенья», «Одинокой даме (С. К.)», «Другой даме. Кажется, С. Н.», «Третьей даме» и «После расставанья». Как видим, С. Платонов, вступивший в этап взросления, испытал неизведанное ранее чувство влюбленности. Не имея возможности высказаться, поделиться с кем-то, он сумел запечатлеть свои мысли, страдания на бумаге. Следовательно, небольшая часть поэтических исканий этого времени перекликается с размышлениями, оставленными на страницах дневника. Они же позволяют судить и о степени его литературных способностей, на которые указывали и признанные авторитеты, например Мандельштам. Кроме того, эта небольшая, сохранившаяся часть ранних творческих опытов позволяет проследить поступательное развитие литературного дарования, его совершенствования к 1878 г. Кстати, по предложению В. Ф. Кеневича была написана и реферативная работа, которую следует считать первым около научным исследованием [Митрофанов 2022(б), с. 70–78].

А уверенность В. Ф. Кеневича о наличии у С. Платонова таланта не могли не затронуть струны его души. Он был окрылён, тем более что эту же мысль он услышал и летом 1877 г. от Е. Н. Калайдович. Это был «новый переворот» в его жизни. Происходит и переосмысление судьбоносного знакомства с ней.

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1218. Л. 1–31.

² ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1219. Л. 1–9.

³ Доверять надеяться — с лат.

⁴ ОР РНБ. Ф. 5685. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1534. Л. 1–6.

Неофициальные встречи и дружеские беседы с В. Ф. Кеневичем порой продолжались до полуночи, а иногда и до утра. У известного филолога, автора книг о баснописце И. А. Крылове, молодому юноше, как и его товарищам, было интересно и комфортно. Полученные же советы по стихосложению — учить немецкий, читать Гёте и Шиллера, излагать мысль лаконично — явились первыми профессиональными и значимыми, но остались невыполнимыми. А знакомство с другими стихами «В Тюрьме», «Красавица» приводили к выводу, что нужно сделать очень многое, чтобы был успех. Однако, близкое знакомство вскоре окончилось с уходом из жизни наставника.

Становятся известны редкие факты разносторонних увлечений В. Ф. Кеневича: *«знает литературу, знаток древностей, знает историю, понимает искусство, музыку, владеет француз[узским], немец[ким] и английским языком, путешествовал»*, не оканчивал университета, был замечен академиком Я. К. Гротом, сотрудничал с В. И. Далем, был женат вторым браком на 18-летней женщине. Узнаем лаконичные сведения о детях от первого брака — они музыканты. Среди личных качеств отмечены следующие: страдает бессонницей, поэтому и беседы до утра, увлечение алкоголем, даже появление на занятиях под «хмельком».

Замечательный штрих — влияние было взаимным, общаясь с 18-летними юношами, имея молодую жену, В. Ф. Кеневич меняет свой внешний вид.

Окончание гимназии

Основные темы, волновавшие молодого человека на завершающем этапе окончания гимназии, можно определить так: кто я, что во мне важного и интересного, чем я отличаюсь от других, каковы мои перспективы. Автор обращается к понятию «гражданственность» 25 апреля, потом возвращается 10 июня вновь.

16 июня, в день своего 18-летия, С. Платонов подводит итоги своим достижениям. По мнению окружающих, он человек *«недюжинный»*, а по своему собственному — *«дюжинный»*. Обнаруживается принципиальная разница в оценках. Но ему безразлично мнение двух московских девушек и гимназического учителя, которые уверены, что у него имеется поэтический талант.

Отдельные интересные сведения, касающиеся жизни гимназии в последние дни перед окончанием обучения учащимся 8 класса, который

был слабым, занимают большое место в публикуемых записях. Только несколько человек, в числе которых был и С. Платонов, были способными учениками. Экзамены сданы успешно, открываясь путь в университет, впервые слово «студент» было упомянуто 17 мая. Среди традиций гимназии — выпускной вечер, ему отведено довольно много места: веселье, игры, тосты, шампанское... и начало нового этапа жизни.

Годовщина знакомства в Харине

Немало места посвящено, как и прежде, встрече в Харине, тем более она произошла ровно год назад. Именно здесь юному Платонову первая женщина подарила настоящую дружбу. День встречи через год был отмечен новым замечательным событием — получен аттестат зрелости.

Антиполитичность, убеждение, оформившееся к 18-ти годам, было сохранено на всю оставшуюся жизнь. Замечательный пример стойкости и твердости мировоззрения.

Осенью, в конце сентября, после длительного перерыва разговор с дневником продолжается. Подъема в душе нет. Беспокойство за московских друзей доверяется чистым страницам тетради. Нашего героя мучает одиночество, настроение выражается словами, что жизнь *«печальна, прозябаю»*.

Такое состояние влияет на отношение к дневнику. Он *«...перестал быть выразителем моих тревог»*, — констатирует автор. А письмо В. Ф. Плющинской, которое оказалось у с. Платонова, в полной мере отражает его настроение, поэтому отдельные фразы он переносит в свою тетрадь.

Находясь в определённом духовном вакууме, в начале декабря происходит новое знакомство с семьёй Нейдгард, которое в некоторой степени позволяет многое исправить, появляется *«зов к жизни»*.

Университет не оправдывает ожиданий

Нацеливая на дальнейшую учебу своего воспитанника, В. Ф. Кеневич советует поступать на исторический факультет, где знает профессоров.

Но странно, в записях с сентября по декабрь слово «университет» упомянуто только один раз — 22 ноября, при этом с негативным оттенком, с раздражением. Это явилось следствием того, что ожидания от университета не оправдались. Подтверждением этому находим и в замечательных автобиографических произведе-

ниях ученого. Уже на закате жизни он писал: «меня манили к себе курсы истории литературы. Но в то время они были поставлены в Петербургском университете не блестяще» [Платонов 2017(а), с. 188]. А в другом месте читаем: «а ещё более не понравилось мне то, что я увидел и услышал в аудиториях. На первый курс факультет послал не таких преподавателей, которые могли бы увлечь собою молодёжь» [Платонов 2017(б), с. 217]. Тем более это было на фоне подробных сведений, получаемых от студента московского университета, упомянутого в предыдущей публикации, В. Н. Беркута [Митрофанов 2019, с. 151–218]. Поэтому восторженных эмоций в дневнике и не находим.

Продолжается поиск своего отношения к обществу, особенно важна для понимания этой умственной работы запись, сделанная 22 ноября. Осмысление своего места в обществе ярко выражено в небольшом размышлении «Книги наши друзья и враги» (помещено в приложении). Обращение к анализу о роли книг в жизни человека приводит к интересным, порой небес-

спорным выводам. Помимо дневниковых записей ведутся и другие, которые можно назвать философскими размышлениями и взаимодополняющими.

Поиск человеческой сущности, определение роли в этом окружающего общества, попытки ответить на волнующие вопросы позволяют говорить о глубоких переживаниях и духовных поисках теперь уже студента С. Платонова.

Заключение

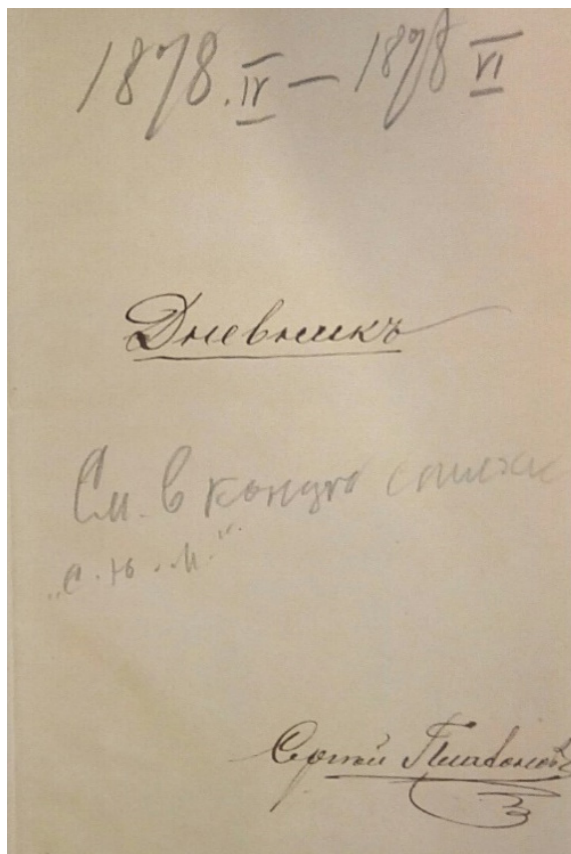
Дневниковые записи за 1878 г. являются важным источником об исканиях юного С. Платонова в переломный период его жизни — окончание гимназии и поступление в университет. Строки дневника позволяют следовать за меняющимся состоянием его души, творческими поисками, попытками ответить на волнующие, непростые, порой философские проблемы. Это, прежде всего, главный вопрос — его место и роль в обществе. А искать ответы помогают чистые страницы дневника, новые встречи.

С. Ф. Платонов

Дневник за 16 апреля — 30 июня 1878 г.

(отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1218. Л. 1–31)

// л.1 1878 IV-1878 VI.

Дневник.

Карандашная помета: «См. в конце стихи «С.Н. М.»

Сергей Платонов.

// л. 2 1878

16 апреля.

Пасха. Будущее в розовом свете. Меня ждут друзья. Хорошо, очень хорошо, но...

17 апреля.

Для Пасхи новость. Сегодня пришёл Вася, много говорил о нашей дружбе, будто бы она падает и, наконец, отрёкся от всей той пакости, которую взвалил на себя в дневнике. Слава Богу! Снова прежний Вася! Снова я могу свободно верить ему. Всегда я любил этого человека, но я целый год боялся верить ему, зная его дневник. Он бросил ложный путь. Я был прав, говоря, что он врёт в дневнике. Так это и есть.

// л. 2 об.

20 апр[еля]

С.Н. Л. влюбилась. Вот почему перестала она говорить со мной и подружилась с Малис. Её из-

бранник — знакомый Малис — и только там она может его видать. Друзья из расчёта что часто видишь. Избранник этот — сладкий немчик, музыкант, словом, «размазня». Такого она и должна была выбрать. Жаль девушку, если это увлечение продолжится. Узнал это Юра, и это достоверно. Юра молодецки вёл дело; он умён, жаль только, что свинченный.

Вчера был вечер у Латкиных; было немного: были Михельсон и Ольга Николаевна. «Экое богатое тело». Была и «поневоле учёная» // л. 3 женщина — Магдалина Латкина. Со средней Михельсон я и Вася опять много говорили. Она сказала нам в ответ на заметку нашу, что она, пожалуй, будет смеяться над нами: «я над такими людьми не смеюсь никогда». Лестно. Она страшно боится Круковских и вообще всякой пустоты. Забавно я выпроваживал от нас Круковских, когда они подходили к нашему кружку, за что и получил её благодарность. Она через чур мечтательна; это не хорошо, но вообще она очень милая девушка. Вечером я доволен. Сезон кончился, ну и чёрт с ним. Наконец — таки.

// л. 3 об.

25 апреля.

Выскажу-ка я свои надежды на будущее, которыми меня многие щедро наделяют... У меня их очень мало, если не сказать, что их у меня нет. Не жду ни славы, ни счастья... Глупо бы было мечтать об этом; глупо ждать многого от жизни. Она скупа, в особенности для таких, к[а]к я. Разберём себя. Я наделён от природы всем вообще и ничем в частности. Есть у меня выдающийся ум? Нет! Знание? Нет! Талантов? Нет! Характер твёрдый и энергичный? Нет, нет, нет! Следовательно, нет ничего спасающего, выделяющего, обеспечивающего; нет // л. 4 задатков успешной борьбы с жизнью; не представляется твёрдой вероятности взять счастье с боя. Жизнь меня согнёт и возьмёт в лапы, прежде чем я выработаю и представлю ей свои требования... «Миллионы людей живут с одним призванием честно пользоваться жизнью» ... Хорошая фраза. Я состою в числе этих людей. ... Имею я эгоистическое стремление к чему-нибудь? Ни одна наука не влечёт меня к себе твёрдо и положительно. Печально. Следствие исковерканного воспитания и образования, неизбежное следствие... Создал я себе гражданскую цель? Создал и честно мыслил создавая. Жертв никто от меня из-за этой цели не потребует. Она не ре // л. 4 об. волюционная. Но... что же я могу поделать, когда не вижу в обществе думающих также?! Сиди у моря, жди погоды, значит.

Я должен идти на юридические курсы. Что мне даст этот факультет, спрашивается? Ни одной положительной науки. Утешительно!! Нужно самому работать, чтоб знать что-нибудь. Что я знаю порядочно? Тригонометрию!!! Ха, ха, ха! Каково моё общее образование? Плохое! А ведь я работал... Что я буду делать потом? Служить. О, чёрт! Весёлая картина, нечего сказать...

Поэтому я живу настоящей минутой, жду лета (в другом смысле, ничего не жду), читаю.

// л. 5 Делюся с умным и безумным.

Живу для сердца своего.

Вот и выходит с одной стороны — ерунда, с другой — не совсем глупо. К чему требовать от жизни чёртовой бездны подарков, как-то: славы, исполнения мечты, какого-то высшего счастья, шумной деятельности! Живи настоящим днём, надейся на близкое будущее, если в нём есть что-нибудь. Имеешь друзей, делись с ними всем, что имеешь: любишь — пользуйся минутой счастья простого и обыкновенного (но не «мещанского», ради Бога, мне не надо). Пользоваться любовью вряд ли я теперь буду. Кончится пустяками: она выйдет замуж, а ты, безусый, будешь шафером.

// л. 5 об. Но отчего меня отмечают везде умные люди (т. е. все мало-мальски развитые)? В классе мне почёт, многие девушки обращают внимание на меня. Бианки¹ меня любит, хотя и мог бы свысока смотреть на меня, если б был поглупее. Отчего я не глуп? Легче бы было.

По всем вероятностям, я экзамен выдержу. Впереди торжество, и оно отравится у меня одной мыслью: зачем не осмысленно жить?!... Рано я развился, рано научился смотреть жизнь, рано научился смотреть обратную сторону медали...

// л. 6

2 мая.

Раскатали меня в пух, я снова принимаюсь восхищаться собою, хотя и косвенно. Послушайте.

Вчера был концерт в гимназии. Я, к[а]к восьмиклассник, был допущен на этот концерт. Гун, кроме всех его хороших качеств, еще прекрасный музыкант. Милый человек... и «тёплый»... В антракте, сходя с лестницы, встретил Кеневича².

— Подойдите-ка сюда, — сказал он, — я вам кое-что на ушко скажу... (шёпотом). Что ж Вы, господа, выставили баллы?

¹ Бианки Валентин Львович (1857–1920) — русский зоолог.

² Кеневич Владислав Феофилович (1831–1879) — русский педагог, переводчик, литературовед и публицист.

— Да!

— Что вы не даёте мне? Завтра спросят ведь.

— Я могу сейчас написать...

// л. 6 — Пожалуйста. И он подал мне свой бумажник: «Вот здесь запишите!»

В это время подошли Бианки и Биберг.

— Ну, господа! — сказал Кеневич, — авось выдержим. Я что только могу, сделаю для Вас. Вы и сами поработайте, а с моей стороны я употреблю всё...

Я воспользовался минутой.

— Мы должны Вас поблагодарить, г. Кеневич. Мы можем сказать, что мы Вы сделали для нас больше всех учителей, и мы ценим это и считаем себя обязанными перед Вами... Вы исправили наше положение. Благодаря Вам мы только имеем основательное // л. 7 понятие об истории словесности. Мы её ведь не знали по милости Иляшевича.

— Ну, господа, оставьте это...

— Нет, мы хотим после экзамена идти к Иляшевичу, ругаться с ним.

— Нет, нет, господа, не делайте этого! Оставьте Иляшевича навсегда. Если я заслужил хоть одну каплю вашего расположения, то во имя этой капельки прошу Вас, оставьте всё это... Бросьте.

— Хорошо, г. Кеневич, — отвечал я, — ещё раз говорю, что только Вам одним мы обязаны знанием нашим...

— Я надеюсь, господа, что вы будете обращаться ко мне, если // л. 7 об. я Вам буду нужен и не теперь только, но и впоследствии. Покуда эта голова (он показал на свою голову) может работать, она к вашим услугам... Я никогда не продавал своей головы, но она принадлежит моим друзьям, в числе которых я хотел бы видеть Вас, господа!

И он протянул мне руку, которую я крепко с увлечением пожал. То же и с Бианки.

Когда Кеневич говорил это, в голосе его были слёзы. Он растрогался. Минута была хорошая...

Прекрасный человек! Я его люблю и уважаю и больно // л. 8 мне знать, что водка его губит. Он знает литературу, знаток древностей, знает историю, понимает искусство, музыку, владеет француз[узским], немец[ким] и английским языком, путешествовал.

... Я не знаю, чего он не знает... и кого он не знает. Это человек, каких мало, человек с душою, понимающий людей, словом, недюжинный человек...

Бычков говорил Латкину — отцу, что наш класс очень слаб, что ему жаль нас не допустить,

потому что мы работали. «Я ручаюсь за одного Платонова, что он пройдёт по всем предметам на аттестат зрелости» ... Странное дело, // л. 8 об. все за меня ручаются, кроме меня. Посмотри!

Еще раз спрашиваю, почему я везде на первом плане: адвокат класса, у учителей первый, у товарищей пользуюсь влиянием... Наружностью — чиновник (все это находят), а внутри сидит что-то не канцелярское... Ну, опять разболтался. Хорошо, хорошо! Я гений, талант, огромный ум, симпатичная личность. Только, пожалуйста, замолчим. Самохвальство надоело...

// л. 9

3 мая.

Я работал Страстную неделю. С Пасхи я не буру в руки книги... Похвально!

Вчера была конференция учителей. Класс признан совсем слабым, только один не возбудил никаких сомнений (аз, грешный), остальные заставляют желать гораздо лучшего. Ярецкий не был допущен, Латкин едва допущен. Нужно было видеть Ярецкого, чтобы понять его горе. Он плакал... Когда он сказал нам последнее слово, прощальную речь свою, он чуть не плакал, едва говорил... Бедный, жаль его! «Господа! — говорил он, — я не мог по некоторым причинам сблизиться с вами так, как // л. 9 об. многие из вас сблизились между собой. Об этих причинах я теперь считаю нужным молчать; будучи вместе в университете, вы их узнаете, а теперь я надеюсь, господа, что вы останетесь моими товарищами и впредь» ...

Я не мог говорить и молча пожал ему руку... Он не допущен, а он ведь гораздо больше работал, чем я...

Проклятые древние языки, немало людей вы губите!

Но ругательству делу не поможешь. Хорошо, что Ярецкому только 18 лет. Жаль мне его; хотя у него много дурных сторон, но он мой товарищ четыре года.

// л. 9а

5 мая.

Зашёл ко мне вчера Ярецкий. Он овладел собою, утешился, но всё-таки состояние его духа того... «неподзато'то»¹... Я просил его заходить ко мне. Вся конференция хором высказалась против его допущения. Прений о нём почти не было, а обо мне совсем не было. Что скажете, г. Ланге? Ваши угрозы к чёрту полетели!.. Это меня радует: значит Вы на конференции вряд ли значительнее лакея. Это я, впрочем, давно знал... Потому²

¹ Ссылка с объяснением внизу страницы вырезана.

² Далее текст вырезан. Поэтому и произошла

// л. 9, а об. вот потому, что всё знал и всему хотел учиться, кроме немецкого.

Я ничего не делаю. И нужно бы, но ... почему-то не хочется. Экзамен мне нужно выдержать хорошо: мне предстоит вывезти на плечах выпуск и репутацию Бычкова. Я это должен сделать, потому что люблю Бычкова и желаю ему успеха в его деле. Все мои товарищи — schwach¹, и без меня вряд ли были бы допущены Латк[ин] и Бабошин².

// л. 10 Если бы этого не было³, я бы смело, ничего теперь не делая, побрёл на экзамен, а, главное, не мучило бы сознание долга по отношению к гимназии...

8 мая 1878 г.

5 мая был один весь вечер у Кеневича. Он болен. Вечером пришёл его шурина. Говорили о Логике. Я сказал Кеневичу, что, по моему понятию, логика есть собрание аксиом, которая никогда не забывается именно потому, что это аксиомы; а трудно логика выучивается потому, что изложение её запутано. Он сказал, что в 30 лет он не слышал от ученика такого комплимента. И всё это передал шурина. Да, нужно // л. 10 об. объяснить так логику, чтоб ученик ~~был~~ мог так определить её!.. Кеневич благодарил меня за визит, не забыл своей сестры милосердия и просил не прекращать знакомства. Но программы мы не доделали. Поэтому я, Бианки и Бабошин вчера отправились к нему в 2 часа дня. Сперва работали, потом обедали и веселились (острились, слушали музыку и пение), опять работали и в 11 часов пили чай, острились и сыпали анекдоты. Жене его 18 лет, она замечательно безыскусственна и мила. Она принимала участие в нашем разговоре. Сыновья его от первой жены — очень // л. 11 простые и хорошие люди. Для чужого семейства это кажется земным раем, да и члены его живут, кажется, в полном согласии. Бабошин ушёл в 10 ч. вечера (пробыл 8 часов), я — в 12 ч. (пробыл 10 часов), а Бианки в 7 ½ утра сегодня (пробыл 17 часов). Кеневич не может спать, а Бианки хотел говорить с ним, благо он удерживал.

Нас с Бианки и Кеневич с женою его несколько раз просил продолжать знакомство. Я очень рад.

Кеневич мне сказал: «не примите за комплимент. Когда вы ушли, мы с шурином говорили о Вас.

путаница в нумерации листов, один пропущен. Текст следующего листа без начала.

¹ Плохи — с нем.

² Далее текст вырезан.

³ Начало предложения до сюда написано сверху строки карандашом.

// л. 11 об. Он сказал: если все ученики Бычкова таковы, то нужно удивляться действительно этой гимназии: такая масса знаний и такое умение пользоваться знаниями, что в пору студенту 2-го курса, а не только гимназисту» ...

Опять старый вопрос. Что я такое, что у меня есть особенного? Куда ни явлюсь, все замечают; отзывы более, чем лестные; умные люди сходятся со мной...

Нет: слава Богу, я не дрянь... кто же вытаскивал меня из омута прошлого года? Я говорил об этом... Какой прекрасный человек Кеневич!

// л. 12

17 мая.

Письменные экзамены выдержал: математика 5, русский — 4 (чуть не 5), древние яз[ыки] по 4. Bene!⁴ Только per ~~græ~~ che⁵ такие хорошие отметки?... Славное время — эти экзамены. Ерундишь себе, ничего не делаешь!

Я могу себя поздравить студентом, потому что с такими баллами, описав на 4 по латыни и по-гречески доблести великих мужей древности, вряд ли можно не пройти на устных... замечательно, только что заговорю о древних языках, сейчас же сострою такой длинный период, что в пору только Фоккову⁶ или Щепинскому⁷ (не тем будь помянут).

// л. 12 об. Ох! Как гора с плеч свалилась. Хорошо и легко, и весело... А в Москву-то только в конце июня! Чёрт возьми! Дрыхнуть здесь бы за книгами до 14-го, а прошлый год в этот день я катил в Москву, 20-го был за Симоновым, 24-го, кажется, в Харине...

Годовщина Васькиной болезни. Опомнился только недавно; снова стал и снова моим другом. А зимой я ему не очень верил, потому что он старался быть... Он теперь честнее, чем когда-нибудь, и это меня радует. В нём очень много хороших задатков, иначе я бы его не любил.

// л. 13. PS⁸. Кеневич, к[а]к я узнал, в университете не был. Кончив военную гимназию или корпус, он не сделался военным, а принялся за частные работы, при чём познакомился

⁴ Хорошо — с итал.

⁵ Для чего — с итал.

⁶ Фокков Николай Фёдорович (1838–1902) — российский филолог-классик, педагог, автор учебных пособий и переводчик.

⁷ Щепинский Александр Дмитриевич (1847–1914) — учитель древних языков, инспектор, директор Архангельской, затем Псковской гимназий

⁸ История, рассказанная Ланге — примеч. С. Ф. Платонова.

с Гротом¹, исполнял для него работы в виде различных изысканий и, наконец, по совету Грота, держал экзамен на учителя русского яз[ыка]. Далее занимался археологией и лингвистикой и теперь стал известен не между одними русскими учёными, его знают и в Германии. Относительно издания словаря Даля, он рассылал справочные телеграммы в Германию и получил лестные ответы. Человек, достойный уважения.

// л. 13 об.

24 мая.

Экзамены идут хорошо. Мы с Васей по-прежнему стали друзьями с тех пор, как он бросил свою ерунду. 22-го он пришёл ко мне «по делу». Между тем, заболтались и он сказал, что он по-прежнему любит Веру и желает её вырвать из рутины её среды, сделать её хорошею девушкой. Я удивился. Но это ещё не всё. На Пасхе за кадрилию монстр у Сидоровых он, к[а]к в 1872 г., вновь признался ей, что любил её все 6 лет и желает знать, как она относится к нему. Она сказала столь желаемое «да», но с тех // л. 14 пор они не говорили ещё.

По его словам, она вела себя так, что нельзя было подумать, что это прежняя Вера...

Он хочет её развивать. Дай Бог успеть. Но, скажу без розовых надежд, что борьба с тем кругом, подлым, низким, но гордым и многозначимым очень тяжела, если не сказать невозможна. Взгляд мой на Веру переменялся. Она дорога моему другу, и я уже не могу смотреть на неё, к[а]к смотрел. Мне уже видится (~~прежняя Вера~~) будущая Вера честная, серьёзная, свободная.

... А в настоящую минуту она все-таки заставляет желать много, много лучшего.

// л. 14 об. Мне хочется, чтобы Вася успел, потому что мы стремимся к одной цели: обращать спящих людей и кукол в живых (светских кукол в) и простых людей. Меня и Васю зовут уже нигилистами, и мы нигилисты в том смысле, что отвергаем светскость, жизнь, дробящуюся надвое: одна — для света, другая — для себя; одна — блестящая и пустая или полная пустотой, другая — полная грязи, сплетен, мерзких побуждений и чуждая развитию. Вот наше общество. Скоро, скоро мы явно вступим с ним в борьбу, а теперь приготовляемся к ней. Что-то даст будущая зима?!...

// л. 15

25 мая.

Боже мой, неужели это правда? Я ещё не могу вспомнить от того, что пережил... Я вчера был

¹ Грот Яков Карлович (1812–1893) — филолог, академик, вице-президент АН.

у Кеневича от 6 ч. веч[ера] до 4 утра. Он принял радушно и пожаловался мне, что про него насплетничали Бычкову, будто он пьяный пришёл в класс. Бычков выразил ему это и сказал, что ему передавали, «что VIII класс знает и скрыл это из уважения к Вам». Кеневича это оскорбило до такой степени, что он стал непрерывно икать, что с ним случилось после смерти двух его детей разом. Он почти или совсем даже стал болен от выпитой водки².

// л. 15 об. Петрову, низко оскорбившему Кеневича 1-го мая, отказано у Бычкова от уроков, и Бычков просил Кеневича принять на себя все классы, говоря: «Я дорожу вами более, чем всею суммою остальных учителей». При этом и сказал о пьянстве. Кеневич просил отдельно Бианки и отдельно меня опровергнуть эту сплетню перед Бычковым. Оба мы согласились, Бианки — позавчера, я — вчера.

Вчера говорили о многом. Я спросил у Кеневича, не говорил ли ему Бианки о моих литературных занятиях?

— Нет, а что? Я сказал, что с 13 лет пишу стихи.

// л. 16 Он просил прочесть которое помню. Я прочёл.

Звуками смутными ныне я полон. Попросил повторить и Кеневич заговорил: «хорошо! Дайте мне его: я напечатаю. Отлично: ни слова лишнего и всё сказано. Я ещё не смею назвать Вас русским Гёте, но постановка мысли гётовская, прекрасный стих... Простите меня: я в вас ошибался (он дал мне руку; на глазах слёзы). Я говорил о Вас вчера с Бианки. Он вас очень любит, я сказал ему, что Вы будущий прокурор... даже более, сказал, что Вы карьерист... Но нет, простите! Человек, написавший это, не может быть карьеристом!

// л. 16 об. ... Зачем же Вы от меня скрывались?! Вы были чересчур скромны. Простите, дайте Вас обнять». И он обнял и поцеловал меня. «У Вас есть талант; не зарывайте его, работайте над собой, учитесь по-немецки... У вас гётовский стих, постановка мысли гётовская. Стих неделанный, лучше некрасовского, а главное есть содержание... Я счастлив, что мои дети музыканты, но они исполнители только, а не творцы. А вы творите...». Я прочел ему «На свете черной клевете» ... Он сказал: «Хорошо. Еще одно слово прибавить и кончено: стихотворение пропало. Не сказать ничего лишнего

² Три последние слова написаны карандашом внизу страницы.

// л. 17 — это признак таланта. У вас нет картинности. Вы в изящной форме излагаете мысли и поэтому Вы, если разовьёте свой дар, будете драматиком.

Бог сподобил меня открыть третий талант. Я занимался с Кутузовым¹, и он не раскаялся, что поработал со мной...

Осенью поработаем с Вами.

... Простите меня» В этом роде с волнением говорил он много. Советовал идти на восточный факультет и по-немецки изучить Гёте, Шиллера. Прощаясь, он поцеловал меня два раза.

Неужели я человек отмеченный? Неужели во мне действительно есть талант?! Я // л. 17 об. вышел от Кеневича без всякой мысли в голове. Рассветало. На Неве проснулась жизнь, но город спал. Красная полоса рассвета была так хороша, что я залюбовался на неё, как давно не любовался природой... Но... мне нужно жить среди природы, чтобы писать хорошо. Здесь стены мешают мысли.

Кто первый сказал, что я талант. Харино! Две девушки сказали это. Сказал и человек, художник в душе. — Я талант!?! Но... не нужно много говорить об этом: зарпортуешься.

// л. 18

25 мая, вечер.

Я талант!.. Можно ли положиться на компетентность Кеневича? ... Здравое рассуждая, можно..., но если я не талант? Что тогда? ... Неужели не талант вызвать слёзы у человека старого и жившего? У человека, имеющего артистическое чутьё? Неужели после троекратного повторения стихотворения нельзя определить его художественность? Разве он один говорит, что я талант? А харинские друзья, которые первые сказали мне: «пишите, вы не стихоплёт»². Разве, наконец, я сам не знаю, что эти стихи пишет не мой рассудок, а что-то другое? ... Ах, если это // л. 18 об. не талант, то к[а]к горько будет разочарование!... Кеневич не обманул меня! Твои слова перевернут мою жизнь и перевернули уже мой внутренний мир. С этой ночи я не тот, которого ты считал сухим умом и чиновником в душе и уме. Я, впрочем, никогда им не был, но я не имел права называть себя высшим человеком, а ты мне дал это

¹ Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848–1913) — граф, поэт.

² Митрофанов В. В. «Хорошо еще, что у меня есть такой друг...»: письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2021. № 1. С. 89–110. С. 90.

право своими слезами и честными поцелуями? И ты отвечаешь (не предо мной), если это право не имеет основания, потому что обман обойдётся очень недёшево. Ты дал мне патент, но не генеральский // л. 19 чин, а патент на талант... *Vae vicig!*³... Я мальчик, мне ещё нет 18 лет, но меня среда петербургская в перегиб согнула: во мне есть чувство, но при людях оно не вырвется: запугано! Я дорого заплатил за те немногие знания, какие имею о жизни. Я изуродован, забит средою, старшими товарищами. Кто смеялся над каждым моим стихотворением в то время, когда оно было лучшей частью моей души? Кто заставил меня прятать их под замок... ах, как глубоко правдивы слова Печорина, как я их хорошо «чувствую»: «все читали на моём лице признаки дурных свойств, которых не было;

// л. 19 об, и их предполагали, и они родились и т. д. (стр.25)» ...

Что ж я вру в эту минуту, я рисуюсь, когда слёзы бегут по щекам, когда рыдания душат меня?! Нет! Будь проклято то общество, которое убивает живую душу, развивает форму и наполняет её дрянью... Я талант! Для кого же я буду писать, к[а]к не для того же общества, которое убивает живую душу, развивает форму и наполняет её дрянью... Я талант! Для кого же я буду писать, к[а]к не для того же общества, которое меня чуть не убило? Друзей и людей мало; Кеневич и посестримы, и С.М., и Латкин редки. Да тот же Латкин швырял ещё недавно в меня камень! Да и перестал ли, ещё вопрос, хотя и изменился.

// л. 20 Вот новый переворот в моей жизни. Я снова чист, как был ровно год тому назад... Итак, три личности воскресили меня: Е.Н., С.Ю. и Владислав Феофилович. Чем я им отплачу?! Новый переворот! Но вернётся ли та живость, та свобода, которая исчезла?..

Мне стало легче, глаза высохли. Давно я не плакал и очень давно не плакал так, как сегодня.

Всё лучшее вернулось: я праздную Пасху только теперь.

«Вы сами в этом виноваты, что я в вас ошибся. Вы были очень скромны. Зачем Вы раньше этого не сказали... про себя!». Эти слова ясно показали мне, насколько я ушёл от своей при // л. 20 об. роды. Всё живое улетело. На роже благонамеренное и серьёзное выражение, внутри загнанные чувства, мысли... Нет, это когда-нибудь вырвется, так остаться не может. Калька, калька. Что же

³ Ваша победа — с англ.

я был в 1875, 76 годах? Страшно подумать, что бы было со мной, если бы не было Харина!

Понимаете ли Вы, посестрима, всю грандиозность вашего дела? Понимает ли С.Ю., как она действовала на меня собою. Но... посестрима была первой женщиною, подарившей мне дружбу.

... Неужели мы, С.Ю., не будем друзьями?

// л. 21

8 июня.

Как я и думал, Кеневич увлёкся. По зрелом прочтении моих тетрадей, он сказал, что есть вещи прекрасные («В тюрьме», «Красавица»); но что субъективизм страшный и посему для чужих содержания мало. Тем не менее, подарил мне немецкий словарь Павловского, требовал, чтобы я учился и работал над драматическими сюжетами и в конце снова поцеловал. Будем учиться.

10 июня.

Я кончаю гимназию, делаюсь свободным, но что-то грустно мне // л. 21 об. Эта грусть делается моим обыденным настроением. Всё больше с годами во мне этой грусти, всё меньше веселья...

Если б я мог веселиться, к[а]к веселятся другие в мои лета, как сам я веселился в 14 л[ет]. Найду, пожалуй, и причины этого грустного настроения. Но к чему их писать? Покуда их нет на бумаге, я могу отречься от них, не признать их, а как написал — они существуют уже, а я этого не хочу.

Будем учиться, учиться, учиться!

Вот ещё один пункт: бесчестно ли, если человек желает «только честно поль // л. 22 зоваться жизнью», а не суётся в граждан, народные печальники и пр., и пр.? Мне кажется, не бесчестно, если не имеешь к «гражданству» пристрастия или желания гражданствовать и если не имеешь сил и не веришь в превосходство гражданственности над частным бесполитическим существованием. Это моё убеждение. Не судите же тех, кто не желает кричать от нечего делать против существующего порядка! Не судите, потому что всякий свежий человек чувствует все диссонансы общественной жизни и часто страдает от этого, но не всякий способен и хочет строить вавилонские башни. Верно 79¹.

// л. 22 об.

Сказать по правде, я не верю, что у меня талант, хотя Кеневич этого не отрицает: он только хладнокровно разобрал мои тетради, нашёл хорошие вещи (мало), обвинил в крайней субъектив-

¹ Два слова написаны карандашом, вероятно указание на год записи.

ности и советовал работать, подарил даже словарь Павловского и еще раз поцеловал. Но я думаю, что «то кровь кипит, то сил избыток». Посестрима говорит, что «Божья искорка» есть во мне. Нет, я не талант, я не талант! Нечего обольщаться розовыми надеждами, витать в преисподней. Захвалишь сам себя и другие... Но все обращают на меня внимание, даже экза // л. 23 менационная комиссия. Это что же значит? ...

Глупости! Нечего хвалиться, пороха не выдуваю.

11-го мая июня, воскрес[енье].

Вчера попал «нечаянно» к Кеневичу, видел у него будущего лицеиста Герценберга. Читал я Кеневичу своего «Рыцаря Канута»; вместе заменили несколько выражений; он дал указания, сообразно которым постараюсь переделать. Говорит: «работайте и через полтора, два года увидим и прочтём в журналах ваши творения». Канута хвалит. Восхищается он одним четверостишием:

Близ Вас я жизнью новой жил,

Близ Вас я сделался мужчиной.

// л. 23 об. И страсти детские забыл

И познакомился с кручиной.

Но зачем только Вы прибавили сюда ещё 12 строк? Они не нужны! Я показал их (4 строки) одному солидному и понимающему толк человеку: он восхитился. А когда прочёл далее, он сказал: «ну, зачем он писал дальше — всё испортил!»

Лучшая, по его мнению, «Красавица», «В темнице» и «Звуками смутными». Его жена читает, хвалит меня, знает уже начало многих стихов наизусть и не хочет верить, что мне ещё нет 18 лет... Верь!

И Кеневич сперва подстриг бороду и усы, и волосы довольно ко // л. 24 ротко и не походил уже на классного Кеневича; теперь он обрился весь и в белом халате, «под брюхо подпоясан», на себя совсем не похож. Прихожу и не узнаю его.

11 июня. 6 ч. попол[удня]

Недавно я слышал, что Лиля Шермер умерла, а Тилия(!?) за границей. Я с этим семейством покончил. Времена прошлые и не воротятся! ... А жаль.

В среду последний экзамен. Всё устраивается как я хочу. Более хорошее и осмысленное.

16 июня 1878 г.

Мне сегодня исполнится 18 лет. Я кончил порядочно гимназию. Рассмотрим моё положение по словам и отзывам других, а // л. 24 об. потом по собственному сознанию.

I. Я умён, талантлив, развит, много знаю. У меня обширная будущность. Я могу быть учё-

ным, могу быть поэтом и не заурядным. Природа меня ничем не обидела: я не урод, не больной, хотя и не особенно крепкого сложения. Это отзыв не единичного человека, а нескольких.

П.А я о себе думаю: я далеко не развит, совсем не образован, вряд ли талантлив. Не буду поэтом, не буду учёным, хотя бы и хотел.

В отзывах маленькая разница есть: по мнению других, я человек недюжинный, // л. 25 а по своему сознанию — дюжинный.

Но будь, что будет, а работать не отказываюсь.

Вчера был у Кеневича. Сидел до 3 ½ часов. Он, между прочим, сказал, что показывал мои стихотворения Мандельштаму¹ и что тот, прочтя, признал во мне «несомненный талант» и советовал писать и работать. Сам Кеневич говорит то же. Он, видимо, интересуется стихами, да и вообще мною и Бианки. Он много говорит о нас. «Вот первый раз мне пришлось преподавать при совершенно рациональных условиях, и это моя награда. Мне дали Владимира² за «отличную службу», но Бианки и вы — десять Владимиров.

// л. 25 об. Там ответят хорошо и говоришь: «прекрасно», а между тем те меднолобые.

Сам ответил хорошо и говорил «прекрасно», а между тем те «меднолобые» ...

Он советует лучше исторический, чем юридический ф[акультет] и обещает познакомить меня с профессорами, «ввести в их круг», чтобы я учился там. Словом, Кеневич, может быть, мой будущий помощник или лучше патрон...

Ах, как подла нынешняя молодёжь! Едва бросил соску, уже гражданин, политико-эконом, красный. Это мода, навеянное, а не коренное убеждение... Если я буду поэтом, первый голос протеста раздастся против // л. 26 моды убеждений, против нынешнего направления молодёжи. Нужно знать что-нибудь, чтоб говорить с полным правом: «эта дурна». А если ты ещё значит, да не жил; видел взятки...

18-го июня

Я не дописал, пришёл Круковский.

16-го Вася ночевал у меня, а 17-го поехали в Лигов к Бычкову получать аттестаты. 17-е чис-

¹ Мандельштам Иосиф Емельянович (1846–1911) — историк русской литературы, лингвист, профессор.

² Орден Владимира — государственная награда в Российской империи (1782–1917) и Российской республике (1917). Учреждён во имя Святого равноапостольного князя Владимира 22 сентября (3 октября) 1782 г. императрицей Екатериной II в честь 20-летия её правления. Давал право на 100 руб. ежегодной пенсии.

ло — годовщина моей встречи с посестримой; ровно через год, в тот же час, когда я подъехал к Харинскому крыльцу, я получил аттестат зрелости.

Приехали, сперва катались на плоту по пруду, затем играли в крокер и, наконец, пообедали. После жар // л. 26 об. кого подали шампанского. Бычков давал каждому аттестат, и мы приветствовали его тостом. Далее Ф. Ф. предложил тост за здоровье «аттестованных»: мы в ответ пили за его здоровье. Я предложил тост за учителей; пили. Затем я же за здоровье Кенига и Кеневича; пили. Гун предложил за здоровье Вульфа; пили. Бабошин — за процветание гимназии; пили. Бычков за здоровье бывших здесь пансионеров младших классов; пили. Затем Бычков — здоровье Яновского; пили. Потом снова за здоровье Быčkова; пили. Последний тост предложил Бычков: «господа, выпейте за здоровье Платонова. Дай Бог мне побольше таких // л. 27 учеников!» Это меня удивило. Затем на линейке поехали гулять в Сергиево и Стрельну. Катались на лодках по морю и сели на камень. Затем гуляли по разным дворцовым садам. Бычков поздравил меня с днём рождения (16 июня) и оставил нас ночевать у него. Приехали на дачу поздно, пили чай и пошли спать. Раздевшись и улёгшись, мы подняли содом. Бианки бегал чуть ли не в костюме Адама и тормозил всех, к[а]к сумасшедший. Гун немного уступал ему. Бабошин тоже бегал. Вася показал свой комизм, прося огня для папиросы и убегая через комнату от подшлёпываний, которыми награждал его Бианки.

// л. 27 об. Я лежал и острил над всеми, за что меня Гун и Бианки схватили за задние ноги чуть не стянули на пол. И всё это на полу босиком, в полутьме. Гам был такой, что Бычков услышал и на утро спрашивал — почему мы ходили все до 2-х часов?!

Сегодня были у Кенига, который живёт в Ликове. Бычков сказал ему об особом тосте за него и о желании нашем видеть его. Кениг растрогался, просил заходить к нему и обещал карточки.

Домой приехал в 3 часа.

Finita la comedia!³

// л. 28

19 июня.

Я писал, что при выходе из гимназии моё торжество отравится мыслью: зачем не осмысленно жить. С тех пор многое переменилось. Жизнь будет или лучше, может быть осмысленной.

³ Комедия окончена — лат.

Картина, которую нарисовал Кеневич, говоря про университет, заставила меня лучше взглянуть на будущее. Моя радость не выражается громко. Я радуюсь своей свободе тихо, в себе, хотя и жалею о любимой гимназии и любимом директоре, которым мы можем гордиться открыто пред всеми. Недюжинный и прекрасный человек!

// л. 28 об.

Москва. 30 июня.

В С[анкт]-П[етер]б[урге] за последнюю неделю «исторического» ничего не произошло, кроме двух моих посещений Кеневича. В первое увидел я у него Минаева¹, который, прочтя мою «Красотку», приписал её В.Ф., выругал и написал здесь же на Кеневича стихи.

Он не симпатичен. На другой день, в воскресенье, 25 июня, Кеневич восхищался моими стихами и просил их назвать «Адиш!»²

// л. 29. Ужасное время! Боже, какое ужасное, гадкое!

За сим следует ужасное, гадкое время — лето и первый год студенчества! Проклятый год!

Затем блеснула новая заря

Заря эта блещет всё ясней и яснее! Вперед! Вперёд!

// л. 29 об. Семи[ти]ческая.

Сим-ит-иус

3) Аравийский 1) Сирийский

2) Еврейский 3 гласных основное созвучие, прибавка гласн[ых] осмысливает.

¹ Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835–1889) — русский поэт-сатирик и переводчик, журналист, критик.

² Имя Адиш — мужское имя арабское происхождения, означающее огонь.

1) Евреи — чужой язык применяют.

2) Арабы, их науки, образование. Семиты.

Для славян евреи важны. 1) религия, 2) они живут с нами, 4) Нигде и народа почва не составляют. Властвуют хитростью (турки).

Ослабление Евр[опы], вопрос, который решают пон[ыне]. Финны (Геогр Пухин).

// л. 30 об.

С. Ю. М.

Нет ни тучки в небесах,

Месяц блещет в небе ясном,

Виден свет его прекрасный

На дорожках и цветах.

Наклоняюсь к земле славой,

Чудной ризою одета,

В серебристых волнах света

Блещет лилия красой.

Я давно главо́й поник главо́й,

Тщетно счастья ожидая...

Мчится юность золотая,

Веют грёзы надо мной,

Только счастья чудной свет

Всё меня не озаряет,

Хоть давно уж ожидает

Счастья дивного поэт.

// л. 31 Также лилия стоит

С наклонённой головою,

Также блещет красотою,

А кругом уж все спит;

Я же в думу погружён

Меж пахучими цветами,

Облит месяца лучами...

Но несчастьем озарен! ...

Про 2 июля.

С. Ф. Платонов

Дневник за 28 сентября — 24 декабря 1878 г.

(отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1219. Л. 1–9)

// л. 1 1878 IX — 1879 IX

Crede spera!³

// л. 2

28 сентября.

Я снова начинаю дневник. Во-1-х, можно по дневнику проследить все периоды развития человека, во 2-х, лучшее всё записывать в тетрадь, насколько можно систематично, чем делать заметки повсюду. Много переменялось с тех пор, как я оставил перо, и теперь задачей моей

будет уяснить себе события, происшедшие в последнее время, благо они составят честь любому из дневников: настолько они «занимательны и поучительны». Кто будет читать мой дневник, не знаю: может быть, что и никто. Но сомневаюсь, что у меня хватит настолько характера, чтобы дневник оставить совершенно в тайне.

2 окт[ября]. День.

Внутреннее состояние мое неудовлетворительно. Хуже ещё оттого, что сам не сыщу причин этому. Дневник писать отучился. Сел теперь за него потому только, что никакое другое дело не дела-

³ Доверять надеяться — с лат.

ется. Да и писать не хочется. Вообще во мне происходит борьба и относительно дневника: писать или не писать. Такого состояния, как в августе и сентябре было, я у себя не запомню. Какая-то нравственная ломка.

// л. 2 об.

9 окт[ября] 1878. веч[ер].

Давно я не сидел за дневником с целью писать много. Хотел я было сделать этот дневник открытым и Пв-е, но раздумал. Меня здесь не понимают к чему же Торговать

То словом, то тоской послушной

В этой душевной ране открыто выставляют тем, которые отвернутся. Бог с ними!

Что со мной было?

Я зимой хотел определить, что я такое, и дошёл до следующих результатов: себя не понимал, а возгордился сам собою... и до того, что исправление оказывается трудным. Когда же различного рода обстоятельства летом и теперь заставили меня трезво взглянуть на себя, то я увидел, что я подлец. Мож[ет] быть, я себе это прощу, но... всё-таки. Боже мой! Стремясь к лучшему, я дошёл до плачевных результатов, я испортил у себя всё! Теперь моим мукам нет конца, нет границ, нет дна, // л. 3 и я не записываю своего разуверения в себе, только мне это будет слишком трудно. Больно сознать, что упал так низко!

Этажом выше кто-то играет на рояле. Серьёзная музыка раздражает мои слабые нервы. Я сидел сейчас в кресле, прижав руки ко лбу, который горит ещё и теперь, и слушал не совсем ясные звуки. Во мне прошло много бессвязных мыслей. Думал я о себе, о том, что нет ничего в мире неродного мне по крови, который бы жил мною одним и для меня одного. Такой бы человек заставил меня забыть мою прошлую жизнь — ряд грубых и глупых ошибок, заставил бы меня радикально перемениться и воскреснуть для осмысленной, разумно честной жизни, которую я жил только один момент, часть 1878 года, такого человека я не нашёл. Я не занимаю безраздельно ничьего сердца. Правда немногим даётся это счастье. Но я человек *et no humani a me alienum puto*¹ /Имею ли я право называться человеком ещё?/ Звуки музыки одну картину создали в моём воображении — // л. 3 об. зала. Зажжено одно бра. За роялем сидит та именно девушка, которая живёт для меня и играет. Её лицо полно покойным счастьем, на ней домашний, не бальный наряд. Волосы зачёсаны просто и одна непослушная

¹ И ни один человек не чужд мне — с лат.

прядь, витая прихотливо и небрежно, спускается на эту милую щёчку. А эта щёчка сияет румянцем полного счастья. Её умные серьёзные и опять-таки счастливые глаза смотрят на меня через ноты. Я бы, пожалуй, назвал её по имени, если бы дневник мой не читал бы никто. А иначе — не скажу. Я и то много сказал, мне и того не говорили...

Да, виновата ли она пред мною? Если её виновность доказывается моими муками, то она виновата. Она заставила меня пострадать много времени, заставила в продолжении всего того времени, пока я её видел, мои затаённые верования — единственное достояние моей странной души, колебаться в своём основании. Они колебались, значит им нужно утверждение. А как это трудно! Пускай!

// л. 4 Кто же меня не заставлял мучиться. Так уж я устроен! Это скорее моя вина. Я пуговицу потеряю, и то буду мучиться, кажется... Однако, я не логичен!

O wer flüstert mir zu, an welchem Fenster erblick ich

Einst das holde Geschöpf, das².

Нет, бросаю перо. Много чепухи напорешь. Впрочем, не думайте, что я раскаиваюсь и в том, что написал, и в том, во что свято верю. Веры своей не изменю, какие бы удары не пришлось принять за неё. Хуже теперешних мук никогда не будет, потому что быть не может. Я часто вспоминаю, что есть средства покончить с собой и обратиться в ничто. Но неужели я буду стремиться к «ничтожеству». Нет, я жить хочу. Я возьму всё, что мне даст моя жизнь — весёлое ли, тяжёлое ли. Будь, что будет. Покуда останавливаюсь на этом.

29-го октября 1878.

Двадцать дней прошло с тех пор, как я писал. Ну, что же нового? Ничего, ничего. Скверно и страшно, даже скверно на душе. По-прежнему // л. 4 об. сознаю свою ничтожность, по-прежнему хочется возрождения, обновления и хочется помощника в этом деле: любви хочется. В театре каждую субботу вижу красавицу, такую, что хочется влюбиться. Это воплощение моего идеала красоты. Очевидно, эта девушка развитая, потому что с телесным совершенством в ней соединено совершенство (7) духовное. Лицо её носит на себе следы мысли и чувства. Заметно, что у неё

² Кто шепчет мне, из которого окна увижу я

Когда-нибудь, как-то милое существо — с нем.

Полностью фраза Гёте из «Römische Elegien» звучит так: O wer flüstert mir zu, an welchem Fenster erblick ich. Einst das holde Geschöpf, das mich versengt und erquickt?

есть характер и «скорлупка», это частая спутница характера. Нужно её видеть, чтобы понять, что можно восхититься таким созданием.

Что делается в Москве?????!

Писем нет никаких, кроме самой тревожащей записки¹. Жду с нетерпением объяснений.

Боже! Как трудно иногда бывает человеку!

3 ноября 1878.

Из Москвы нет никаких писем. Вероятно, там неладно или, что меня тоже беспокоит, может // л. 5 быть мои откровенные письма заставили задуматься. Поделом мне будет. Ну что ж?! Разве нельзя прожить как-нибудь по-скотски, лишившись друзей? А живу я теперь печально, прозябаю. Был на балу 1-го у Бабошина. Все посредственно, кроме одной девушки 24 лет, Евгении Николаевны Стеблин-Каменской, учительницы старших классов пансионата Ст. Каменских². Она учит словесности. Я после долгого молчания отвёл душу разговором с умной, образованной девушкой. Не странно ли, что и её зовут Евгенией? По своей способности казаться лучшим, чем на деле, я ей понравился, о чём узнал сегодня от Бабошина. Нужно его спросить о ней.

22 (уже!) ноября.

Дневник перестал быть выразителем моих тревог. Нет духа записывать всё, что совершается в глубине, право, измученной души.

Передо мной лежит письмо Веры Фёдоровны Плющинской к «Колле» Познанскому. Я это письмо сохранил и запишу сюда.

// л. 5 об. «... Не знаю, шутите Вы или нет, только к чему это постоянное упрашивание полюбить Вас? Вы знаете — «наильно мил не будешь, отечества для сердца нет». Я Вам сказала раз и навсегда, что люблю Вас, как доброго и хорошего юношу, а иначе любить не буду никогда. Чем же я виновата, что это Вас не удовлетворяет? ... А если Вы будете приставать ко мне с приторными комплиментами, с чувствами несуществующими, с просьбой о любви, которой я Вам не могу

¹ 18 октября Е. Н. Калайдович написала небольшое письмо, завершив его обещанием: «Скоро напишу все... Р. S. Не беспокойтесь, мои волнения кончатся Благополучно» (Митрофанов В. В. «Хорошо еще, что у меня есть такой друг...»: письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову// *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2021. № 1. С. 89–110. С. 108.

² Подробнее см., Коротенко В. В., Стеблин-Каменский И. М., Шумков А. А. Стеблин-Каменские (Стеблинские, Стеблин-Каминские). Опыт историко-генеалогического исследования. СПб.: ВИРД, 2005. 312 с.

дать, — я Вас разлюблю. Будьте цайной и, если хотите мне нравиться, то будьте таким, каким были как-то у нас. Помните, Вы как-то к нам пришли в субботу, у нас никого не было, и мы с Вами болтали и занимались математикой и историей... Будьте таким — и я Вас буду любить».

Что за умница эта Вера Фёдоровна! Это письмо — хорошая характеристика и Николая, и самой Веры Фёд., и отношений между ними, и отношений вообще между молодёжью; // л. 6 отличная характеристика того, как девочка превращается во взрослую девушку, отличная характеристика девушек вообще. Вот почему я сохраняю это письмо. Мне многое в нём знакомо, близко, дорого. И теперь, прочтя это письмо, я много передумал и прочувствовал. Писать ли? Обнародовать ли свои «мальчишеские» стремления, мечты и волнения? Кому они нужны, зачем? Что кому за дело, что я хотел бы иметь свою, подобную той, Веру Фёдоровну? Что, может быть... она с недавнего времени ... и есть у меня! Трудно даже написать. Что ж, увидят это чрез год только ... Что же мне-то делать, когда это чувство требует признания своих прав, и не признавать их долее, душить это чувство нет ни воли, ни сил. А, может быть, задушу? Да, следует напрячь все душевные силы и забыть снова об этом вопросе. Чёрт с ним! Разве я могу быть любимым? Я, не имеющий за собой ничего, кроме пустоты умственной, нравственной и... ха, ха, ха! Я могу с ума, на // л. 6 об. конец, сойти ото всяких шишек, в изобилии валяющихся на мою «макарчату» голову. И теперь разве я не сумасшедший. Разве не могли события лета и осени лишить меня всяких способностей наслаждений, ведь они, эти события³, настолько содержательны и тяжелы, что вынести их составляет громадный труд. Доказательством может служить... нет, зачем писать «жалкие» вещи?! Только теперь некоторые радостные вещи, из которых одна громадной важности, заставили меня снова желать жизни...

Я 19-го был у Гуна на балу. Было недурно.

Университетская обстановка надоела мне. Хорошо ещё, что там менее, чем я полагал, говорят о «внутренней политике». Как мне надоела эта болтовня. Будто они правы и будто выйдет толк из их потуги — гражданственность. Идея свободы, конечно, благородна, но всякое перенесение её на русскую почву меня чуть не тошнит. Почему это, // л. 7 я не знаю. Почему я не верю всяким мечтам о счастье, о свободе народа: ведь

³ Два слова вставлены сверху строки.

это так свойственно юности? Странно для меня самого, что я, будучи способен делать дело относительно общества, являться относительно его либералом, совершенно не способен «гражданствовать», кричать, вести социальную и политическую пропаганду, наконец, просто сочувствовать чему бы то ни было революционному. Я являюсь вполне почти легитимистом, хотя не ретроградом, и слушаю упрёки вроде этого: «тебе чужды страдания других». Этого письма я вовек не забуду. Оно оскорбило всё лучшее во мне, но всё-таки не заставило ни сочувствовать убийству Мезенцова¹, ни перейти на сторону наших «социал-демократов». Видно, я не человек политики, видно, я существо низшее, которому не доступны высокие, «самоотверженные» стремления. Прямой филолог или «филога»! Разве! Это постыдно при том условии, что я глубоко люблю народ свой и желаю ему достигнуть счастья прямым, честным и ..., так сказать, // л. 7 об. «законным» путём — без топора, кинжала, пуль и огня, одним мирным образованием и развитием. Глубоко верю в возможность этого. Однако, будет! Хуже Лапшина² надоела эта политика.

4 декабря.

Определите, что я за человек! Я был прав в ту минуту, когда писал, что, кажется, люблю. В то время я снова чувствовал прилив моего непонятного чувства к этой чудной и чудной барышне. Теперь же я отношусь к ней спокойно и ей-ей прав. Что будешь делать? ... Неужели мечта целого полугодия вчера осуществилась? Неужели я нашёл, наконец, такое женское общество, в котором могу отдыхать душой от чёрствой действительности?

Вчера я познакомился с семейством Нейдгардт. Мать и две дочери. Я был у них, сидел целый вечер, много и по душам болтал и возвратился домой с таким хорошим чувством, какого у меня не было с 1877 года. У них пахнет тою семейной простотой, // л. 8 которую я так люблю и которую минутами встречал у тётки Тани³.

¹ Мезенцов Николай Владимирович (или Мезенцев, 1827–1878) – генерал-лейтенант, генерал-адъютант, шеф жандармов и глава Третьего отделения (с 1876 года). Стал жертвой землевольцев 4 августа 1878 г.

² Лапшин Григорий Иванович (1813–1884) — русский филолог.

³ Контендантова (ур. Хрисанфова) Татьяна Александровна (1836–1918) — тётка, сестра матери

Что-то плохо записываться... Какой, однако, я пошлый и мелкий человек! Как вспомнишь весну и лето, даже физическую боль почувствуешь. Что я тогда был? Если бы всё это сошло мне даром, если бы мне простили всё это. Какая пошлая самонадеянность! Какая низость! Спасибо Кеневичу! Похвалил меня, добру научив! До чего я забылся, до чего я забылся. Простите меня, дорогие мои!

О! дай же мне самопознание

И дай мне силу не страдать!

Впрочем, весьма плохое желанье.

13 д[е]к[а]б[р]я [18]78 г.

Я совершенно не сознаю важности происшедшей в моей обстановке перемены. Плоды счастливой перемены уже показываются. Душа делается покойной час от часу. Я теперь доволен всем и как жаль, что есть много причин, мешающих поделиться этой радостью с моими друзьями.

// л. 8 об. Избавясь от этого угнетающего давления, я вышел в мир и припомнилась мне знаменитая фраза, кажется, Эразма У. Ф. Гуттена⁴: «весело жить». Она применима к моей субъективной обстановке. Эразм говорил так, приветствуя свободу ума от уз католицизма и возрождение науки. Я сказал эту фразу, приветствуя появление жизни, равноправной с жизнью окружающих, жизни молодой, освободившейся от удручающего давления.

Душевные язвы зарастают, оптимистическое воззрение на мир растёт, узаконяется, ноты отчаяния слышатся реже и взамен их чаще раздаётся полная гармонии и воскресшей силы песня молодости и прогресса. Да! Это зов к жизни, жизни хорошей, и дай бог скорее войти в эту жизнь. Разве те заблуждения, к[ото]рые были во мне, не искоренятся в этой жизни?!

24 д[е]к[а]б[р]я

Сочельник! ... Господи! Я один, один, как и прошлый год. Когда чувству даётся право даже обществом, и в тот миг, кроме этой // л. 9 тетради, у меня нет собеседника..., который бы сказал мне что-нибудь по душе.

«Всё со мной Вы можете сделать лаской!» — фраза Белугина⁵. Она верна: Ласка — всё... да! Всё.

С. Ф. Платонова.

⁴ Гуттен Ульрих фон (1488–1523) — немецкий поэт и гуманист.

⁵ Герой пьесы А. Островского «Женитьба Белугина».

С. Ф. Платонов
«Мои безделки». 1877 г.

Книги — наши друзья и враги.

(отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1543. Л. 8–9 об.; Л. 17–17 об.)

// л. 8 Духовная природа человека...

Человек от природы одарён умом и чувством. Но Эти два понятия слились в нём и образовали душевный мир человека, дающий ему право называться высшим существом. Человек стремится воплотить свою мысль и воплотить её в слово; слово же воплощается в условные знаки, при виде которых у всякого человека возникает та же мысль, к[а]к и у того, кто начертил эти знаки, воплощая в них свою мысль. Стремление воплотить мысль создало и дать ей постоянное существование создало книги. Значит, книги — хранители человеческих знаний человека и памятник его духовной жизни. Создание (совокупность) словесных произведений человека наз[ывается] литературой. Литература делится на: Словесные произведения человека делятся на произведения ума и на изящные произведения чувства. К произведениям ума первым относятся все научные произведения и исследования разума над // л. 8 об. самим собою, т[о] е[сть] философские произведения. Такие произведения состоят из описаний или рассуждений, потому что всякая наука есть систематическое описание какой-нибудь части мироздания и всяких законов природы, выводится посредством рассуждений. Хотя такие Все эти произведения такого рода — друзья человека, потому что посредством их человек приобретает знания и развивает свой ум, заставляя его работать над такими произведениями. А бó чем больше знаний у человека и чем бóльшие развиты они, тем более приближается он к идеалу человека, как разумного создания, господина всей вселенной.

Второй род словесных произведений политическая издержки литературы; в них мы видим мышление в образах, фантазию поэта, которая создает из существующих элементов возможные положения и из этих положений выводит мысль, не говоря её прямо, но давая её почувствовать.

// л. 9. Творческая сила человека облачает мысль в увлекательную, всем доступную форму, и мысль в образах постигается сначала нашим чувством, а потом уже обрабатывается умом.

Такого рода произведения читаются более всего и, действуя на чувство человека, развивают, облагораживают это чувство и дают истинное

направление нашему воображению. А воображение — вещь немаловажная; оно один из важных двигателей в открытии новых истин; это уже доказано. Ньютон сперва воображением е[го] достиг существования притяжения и потом уже доказал его. Кроме того, воображение играет важную роль в жизни каждого человека.

Есть такие произведения, в которых фантазия выходит за пределы возможного; таких произведений масса и они наиболее увлекательны, к[а]к интересные сказки. В них мысли не сыскать. // л. 9 об. Это просто произведения праздной фантазии, избилующие эффектами, невероятными положениями действующих лиц, всеми всевозможными опасностями и пр[очее]. Такие произведения, родина которых Франция, сильно действуют на воображение и извращают его. И если человек, ещё не зрелый смолodu испортит своё воображение всем сказочным и необыкновенным и приучит своё чувство к ощущению волнений, действующих путём воображения, то действительность не удовлетворит его, потому что он и в жизни будет искать необычного. Столкновение требований чувства с действительностью рождает сомнения, внутренний разлад, вечную скуку, и человек делается на всю жизнь жертвою всего этого и не сможет освободиться примириться с жизнью.

Вот где книга является нашим врагом и врагом ужасным! ...

* * *

// 17 об. Человеку врождено стремление к лучшему. Человек замечает свои недостатки и стремится их исправить. В его воображении возникает часто образец желаемого совершенства, который называют идеалом. Некоторые же идеалом называют совокупность вполне достижимых свойств человека, которые б[ы] они желали бы иметь, так к[а]к, по их мнению, эти свойства могут обеспечить счастье человека. Такого определения идеала придерживаюсь и я.

Цивилизованное наше общество разделяется на три разряда: Во 1-х, людей собственников, которые совершенно освобождены от своею собственностью от обязательного труда; во 2-х, на людей, которым только труд может доставить обеспечить безбедное существование и в 3-х,

на людей, собственность которых не вполне освобождает их от труда, т[о] е[сть] не даёт им до-

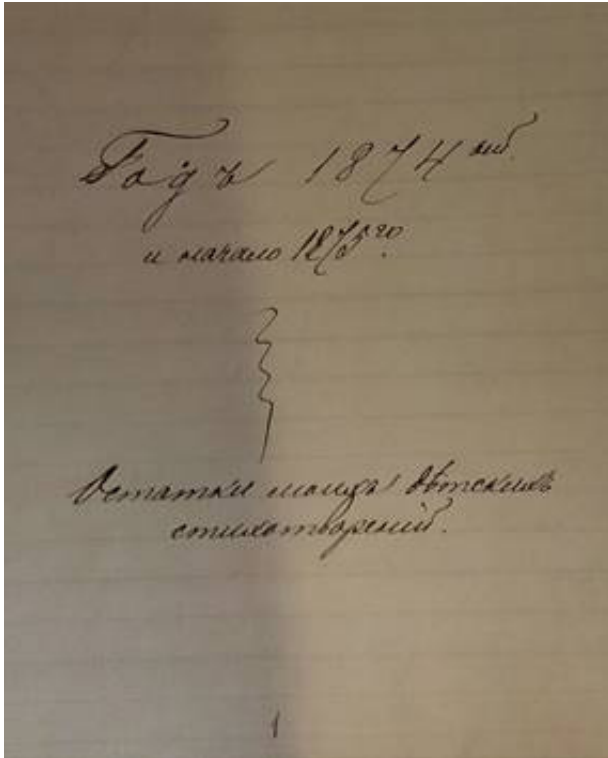
статочно средств для жизни. К последним // л. 17 принадлежу и я.

С. Ф. Платонов

«Остатки моих детских стихотворений». Сборник 1874–1875 г.

(Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1534. Л. 1–6).

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1534. Л. 1.

/ л. 2

Вместо предисловия.

Всё это детское, лет прежних увлеченье,
Когда все впечатления новы,
Ребяческого сердца то произведенья
Без твёрдой мысли головы.
Что в них?! Прекрасного слепое обонянье
И сердцем жизнь, а не умом,
Придуманые детские страданья
В сердечке радостно живом
Читатель! Не рази насмешливой их речью
Зато, что для тебя в них смысла нет,
А для меня есть смысл и буду их беречь я
Как память милых детских лет. 1 июня [18]77 г.

// л. 2 об. Первое появление весны. 74 г.

1.

Настанет светлый май, и вешние воды
В стране моей великой зашумят, исчезнет снег,

минутся непогоды

И ветры свежие весну там возвестят.
Мне одному мила весна не будет,
Не сможет и она меня развлечь,
А если мои страсти и разбудит,
То чтобы боль другую на меня навлечь.
2. Протянулась осень, зима пролетела
Весна наступает, пора молодая
И зеленью кроет земли нашей тело,
Приветливо смотрит денница золотая.
Все веселы, новую жизнью всё дышит,
И веселы лица, и веселы взоры,
И воздух приятен, и вечер колышет
Цепь листьев, птенцов лучезарной Авроры.

// л. 3. Про неё (75-й год).

Там далёко, за горами,
Там в Италии счастливой,
Где усеяна цветами
Вся земля и сам ворчливый
Дед Везувий поприкрыт
Виноградными садами,
Геркуланум где открыт,
Где веселья полны дамы;
Там она жила была
И Везувьем любовалась,
Там её краса цвела,
Во всём блеск распускалась,
И теперь она у нас
Процветает смирно, в холе,
Ей любуются Парнас,
Геликон Парнаса бал
С Геликона получая
Стихотворства личный дар
Познакомиться случая
// л. 3 об. С ней давно уж я искал.
Встретил эту неземную
Я недавно на балу,
Угадал её живую
Я природу — и люблю. Январь 75 г.

Призраку (15 февраля 75 г.)

Зачем меня тревожишь ты в то время,
Когда забыл тебя и проза пред глазами,
Когда несую я будней жизни бремя,
Когда давным-давно всё кончено с мечтами.

Чего ты хочешь, милое виденье,
Когда стоишь пред мной, к[а]к милый чудный
сон,

И прочь другие гонишь сновиденья
И голос мне твой слышится, как
Дальний, нежный звон (?).

// л. 4 Два мгновенья (74 год)

Он уезжает, а она,
И слёз, и горести полна,
Его не вышла провожать,
Чтоб новых слёз не проливать.
Когда же милого возврат
Звоночки снова возвестят,
То на крыльцо бежит она,
Смятенья, радости полна.
Вот тоже было и со мной
Когда прощался с дорогой,
Хотя не чаял в мой возврат
Её первую целовать.

* * *

Тучи носятся по небу,
Пробираясь к луне,
И со всех сторон объемят
// л. 4 об. Диск, мерцающий оне.

И луна ласкает тучи,
Обливая светом их,
И к земле не обращает
Свой обрадованный лик.
Но земля уже ревнует
И сердита на луну,
Гонит тучи своим ветром
В окружающую мглу.
И уж снова одинокой
Бродит по небу луна
И лучи с печальным блеском
Шлёт лениво всем она.

Одинокой даме (С.К.)

Вы и развязны, и красивы,
Кокетка, правда, это так,
Зато совсем Вы не спесивы,
Да и кокетливы то в такт.
Живёте жизнью Вы прекрасной
И в вашей жизни мало дней

// л. 5. Для Вас со всех сторон ненастных,
Как то бывает у людей.

Я не почту Вас человеком,
Вы просто пери между нас,
И рождены то Вы не веком:
Он восемнадцатый для Вас.

Другой даме Кажется С. Н. (?)

Красавицей слыли везде Вы,
Но были горды и спесивы,
За Вами вились кавалеры,
Вам предлагая и сердце, и силы.
Но всех гнали прочь Вы со смехом
И сильных, и умных людей,
Один лишь гонялся с упорством,
Исполненный глупых затей.
Себе обрели Вы утеху
В том хитром, бесчестном уме
И вместе Вы стали потехой
Мущинам получше и мне...

// л. 5 об. Третьей даме.

Вы созданы были прекрасной
Без пошлых кокетства затей,
Вы в нашей России ненастной
Два года не видели дней.
Вы жили в Италии чудной,
Лукавить привыкли Вы там,
И в нашей среде малолюдной
Вы подали пищу умам.
Почему за желанной кокеткой
Вы идёте теперь по следам,
Ведь жизнью живя такой мелкой
Вы милой не станете нам.

// л. 6 После расставанья.

Того, что было в жизни мало,
Того, что сердце веселило,
Того теперь нет и следа,
То не вернётся никогда.
Моей красотки жгучи очи,
Как огоньки сверкают в ночи,
Так мне сверкали и ласкали
Навеки счастье обещали.
Теперь же счастья я не знаю
О нём лишь только вспоминаю,
Того ж, что было, нет следа,
То не вернётся никогда.

Список литературы

1. Митрофанова В. В. Историко-филологический факультет после С. М. Соловьева: профессорско-преподавательский состав и искания передовой молодежи в письмах студента В. Н. Беркута С. Ф. Платонову // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. : сб. ст. и материалов. Вып. 5 / под. ред. А. М. Дубровского. Брянск : ИС, 2019. С. 151–218.

2. Митрофанов В. В. «Хорошо еще, что у меня есть такой друг...»: письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2021. № 1. С. 89–110.
3. Митрофанов В. В. Дневниковые записки С. Ф. Платонова о В. Ф. Кеневиче // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки*. 2022. № 13. С. 206–221.
4. Митрофанов В. В. Творческие увлечения С. Ф. Платонова-гимназиста // *Нижевартовский филологический вестник*. 2022. № 1. С. 70–78.
5. Митрофанов В. В. Дневниковые записки гимназиста С. Ф. Платонова (14 января — 4 апреля 1878 г.): «вникните в мой дневник...». Часть 4 // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2024. Т. 9, вып. 3. С. 25–41. URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/39-magistra-vitae-3-2024.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-3-25-41
6. Платонов С. Ф. Автобиография // Платонов С. Ф. *Собрание сочинений в 6-ти т.* / Отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука. 2017. Т. 5. С. 187–213.
7. Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Платонов С. Ф. *Собрание сочинений в 6-ти т.* / Отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука. 2017. Т. 5. С. 214–245.

References

1. Mitrofanov VV. The Faculty of History and Philology after S. M. Solovyov: the teaching staff and the search for advanced youth in the letters of the student V. N. Berkut to S. F. Platonov. *Otechestvennaya kul'tura i istoricheskaya mysl' XVIII–XX vv.: sb. st. i materialov = Russian culture and historical thought of the 18th-20th centuries: collection of articles and materials*. Ed. A. M. Dubrovskogo. Rel. 5. Bryansk: IS; 2019. Pp. 151–218. (In Russ.).
2. Mitrofanov VV. «Xoroshho eshhe, chto u menya est' takoj drug...»: pis'ma E. N. Kalajdovich S. F. Platonovu = “It’s good that I have such a friend...”: letters from E. N. Kalaidovich to S. F. Platonov. *Magistra Vitae: e'lektronny'j zhurnal po istoricheskim naukam i arxeologii = Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2021;1:89–110.
3. Mitrofanov VV. S. F. Platonov’s diary entries about V. F. Kenevich. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: social'no-gumanitarny'e nauki = Bulletin of Pskov State University. Series: social and humanitarian sciences*. 2022;13:206–221.
4. Mitrofanov VV. Creative hobbies of S. F. Platonov, a high school student. *Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik = Nizhnevartovsk Philological Bulletin*. 2022;1:70-78.
5. Mitrofanov VV. Diary Notes of High School Student S. F. Platonov (January 14 — April 4, 1878): “Delve into my Diary ...”. Part 4. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2024;9(3):25-41. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/39-magistra-vitae-3-2024.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-3-25-41
6. Platonov SF. Autobiography. *Platonov S. F. Sobranie sochinenij v 6-ti t. / Otv. red. S. O. Shmidt = Platonov S. F. Collected works in 6 volumes. / Ed. by S. O. Schmidt*. Moscow: The science; Vol. 5:187-213.
7. Platonov SF. A few memories of my student years. *Platonov S. F. Sobranie sochinenij v 6-ti t. / Otv. red. S. O. Shmidt = Platonov S. F. Collected works in 6 volumes. / Ed. by S. O. Schmidt*. Moscow, Nauka; Vol. 5:214–245.

Информация об авторе

В. В. Митрофанов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин; заслуженный работник образования ХМАО — Югры.

Information about the author

V. V. Mitrofanov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines; Honorary Worker of Education of KhMAO — Yugra.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.